

КТО ПОДНИМЕТ ЦВЕТОК НЕБЕС?..

Заметки к первой публикации пьесы В.Ф. Булгакова «Цветок Небес», или «Выставка Сокровищ»

Пьеса Валентина Булгакова «Цветок Небес» принадлежит Востоку. Она повествует о жизни Старого Китая. О том завеликостенном существовании, из которого только зарождается поток сознания. Колесо Будды еще катится по земле Индии, и Китай сдавлен тяжестью междоусобиц. Среди пагод и городских башен обитают разбойники. Страна поделена на уделы, которыми управляют одиннадцать князей. И над всем царит император Чун-Эр, Тысячелетний Господин и Сын Неба...

В основу пьесы положен правдивый сюжет о Выставке Сокровищ. Это действительно историческое событие. Первая в мире художественная выставка состоялась в Китае за 500 лет до Рождества Христова. Именно с ее проведением связана попытка одного из тогдашних удельных князей коварно завладеть императорским тронem. Правитель Ван-Ляо избирает преступный путь. Он решил заманить императора и других князей на открытие выставки в столице своего удела. А затем, пользуясь полной беззащитностью гостей, всех их до одного перебить. Но провидение в лице прекрасной дочери Циньского князя, княжны по имени Цветок Небес, вмешивается в ход предумышленных событий...

История создания пьесы Булгакова настолько же необычна, как и сама событийная легенда, положенная в ее основание. Она тоже принадлежит Востоку. На обозримой сцене стоит русский синолог Павел Васильевич Шкуркин, и за кулисами времени — писатель Лев Толстой, неизменный ценитель восточной мудрости. Мастерству и таланту этих двух людей отдает дань В.Ф. Булгаков. Толстой — учитель в жизни и литературе, Шкуркин — собеседник, который наставляет в истории и учит изыску азийского вкуса. Однако все по порядку...

Заряд Востока получен Булгаковым несомненно в окружении Толстого. Последний год яснополянской жизни самый насыщенный. В нем все лучшие достижения мастера, у которого секретарствовал Булгаков.

Достижения, копившиеся долгую жизнь. От юности граф Толстой уже полон симпатий к азиатчине и варварам. Учился на восточном отделении в Казанском университете. До седых волос изучал языки — арабский, греческий, древнееврейский и, конечно, китайский. Сорок лет посвятил переводам Лао-Цзы и Конфуция. Об этом свидетельствует великий Стасов. На склоне лет переписывается с русским консулом в Шанхае Бродянский. Но самая таинственная переписка — с Чжан Чин-туном. До сих пор не известно, кто же писал под этим псевдонимом — дипломат, политик или ученый. Это собеседование Толстого отозвалось знаменитым «Письмом к китайцу». Даже в мятежные предосенние месяцы 1910 года писатель находит паузу, чтобы встретиться с канадским профессором Джемсом Мавором, возвращавшимся из путешествия по Китаю. Ничто не могло поколебать Толстого — ни пророчество о «желтой угрозе», ни сама близкая смерть...

Ex Oriente Lux! Свет — с Востока! Это излюбленный латинский девиз Булгакова. Из далекой Индии несет «великодушный» Ганди призыв, отвечающий глубочайшим внутренним запросам разума и совести. Мохандас Ганди — ученик Льва Толстого. В своем письме из южноафриканского Трансваала 4 апреля 1910-го молодой индеец называет себя «преданнейшим последователем» русского мыслителя. Булгаков же назовет себя учеником Ганди, вступившим на путь «духовной революции», мирной и безнасильственной. Он верит, откроется новая эра в истории человечества. Революция придет из России или из Китая. Неизвестно точно, но это будет одна из двух стран. В своей книге «Толстой, Ленин, Ганди», появившейся в 1930-м как результат цикла публичных лекций в Германии и Чехословакии, Булгаков пишет: «И дальше — Ганди, Махатма Ганди, тот Ганди, которого и я выставляю как своего рода откровение». Заметим, что Махатма по-санскритски означает «Великая душа»...

Идея «гандизма» все более и более захватывает Булгакова. В среде эмиграции, зарубежной русской интеллигенции, в сущности не было почти никого, кто пытался бы мыслить «мировыми общечеловеческими категориями». Исключение составлял лишь Н.К. Рерих. Но в 30-е годы он сам, подобно Махатмам, затерялся в Гималайских долинах. Булгаков выступает от имени Международного движения к христианскому коммунизму. В 1930-м снова читает лекции в Словакии и Австрии. В этот же год уже шестая по счету лекционная поездка по Германии. 14 сентября он выступил в Спиритическом обществе в Вене с лекцией о жизни, уходе и смерти Толстого. То было отчаянное выступление, потому что в кафе «Клиник»,

где проходила лекция, в воздухе висела толстовская ирония. Булгакова охватывали приступы страха. Ожидание, что в любой момент его закидают вопросами об отношении Толстого к спиритизму. В длинном узком подвале собралось 200 человек. Но никто не вспомнил о «Плодах просвещения», где Толстой осмеял вульгарный спиритизм. А 20-го сентября была еще одна венская лекция. На ней присутствовали знаменитые профессора. И среди них пражский индолог Винтерниц, автор драматического произведения или мистерии из жизни Ганди...

В 1931 году была опубликована на французском и немецком языках другая работа Булгакова «Индия — великий опыт». Но очень скоро пришло острое ощущение потребности деятельного строительства. Ведь нравственное совершенствование обязательно должно подкрепляться социальной работой. В 1934-м Булгаков принимается за создание в Праге первого музея русской эмиграции. Собираание предметов искусства, рукописей и книг приводит к мысли об увековечении памяти в виде «Словаря русских зарубежных писателей». Скрупулезный, нечеловеческий труд, похожий на собиранье меда, заполнение пчелиных сот. Возможно, тогда и познакомился Булгаков с творчеством П.В. Шкуркина. Весной 1938 года в Чехословакию пришло письмо из Сиэтла. Русский синолог запрашивал бланк анкеты в связи с тем, что в американских газетах промелькнуло известие об издании Словаря. Ему ответил Булгаков, директор Русского культурно-исторического музея в Праге. В послании от 16 июня 1938-го профессор Шкуркин возвращает заполненную анкету. И одновременно высылает в адрес Музея два своих фотографических снимка и одиннадцать книг...

Для Музея в Праге Шкуркин собрал обильную жатву своих книг. В ноябре 38-го он повторно сообщил Булгакову, что послал «Легенды в истории» (единственный экземпляр, разысканный им в Шанхае), «Историю капитана Догерти», комплект издающейся в Сиэтле газеты «Русский Листок», редактором которой и был Шкуркин. (Редакторская доля всегда сопутствовала ему. В Харбине Шкуркин был редактором толстого журнала «Вестник Азии», издававшегося Обществом Ориенталистов). В ответ Булгаков писал о получении «ценных» изданий. «Лично я должен искренно благодарить Вас за Ваши прекрасные книги о Китае, которые я читаю с большим интересом, просвещаясь насчет великой, ныне такой несчастной страны Востока. Вспоминаю своего незабвенного учителя и старшего друга, покойного Л.Н. Толстого: с каким бы интересом прочел он Ваши «Китайские легенды и истории» или «Картины из древней истории

Китай». Верю, что он даже как писатель-художник отозвался бы на эти книги, которых он, к сожалению, не знал. Интерес же его к Востоку был необычайный...»*

В мемуарах «Как прожита жизнь» Булгаков заметил, что не может «сказать точно, когда именно в 30-х годах познакомился» он с работами П.В. Шкуркина, проживавшего в то время в Америке. (Ученый покинул Русский Китай в 1928 году и поселился в Сиэтле). Сгоревшие в пожаре войны дневники унесли точные упоминания. И тем не менее, цитируемые выше письма восполняют образовавшийся пробел. В тех же самых воспоминаниях Булгаков пишет о том, с каким огромным интересом читал он одну за другой книги «Китайские рассказы и сказки», «Легенды в истории», даосское сказание «Путешествие восьми бессмертных за море». Большинство из этих книг вышло в свет в Харбине, где Шкуркин до переезда в Америку состоял профессором Института ориентальных и коммерческих наук. В сборнике исторических очерков «Картины из древней истории Китая» (1927) Булгаков неожиданно для себя находит сюжет, который опрокидывает его душевный покой. «Вся эта фантастическая история и почти феерия, с происходящим на сцене взрывом великолепной праздничной палатки, где устроена была выставка, с декламацией, пением и танцами прелестной дочери князя-заговорщика и т.д., и т.д., невольно захватила меня. Написавши эти сцены из древнекитайской жизни, я назвал их по имени главной героини, Цветок Небес...»**

Над пьесой «Цветок Небес» Булгаков работал в самом конце 30-х и начале 40-х годов. К тому времени он достаточно набил руку на произведениях подобного жанра. Драмы «На кресте величия» и «Эдгар По» уже были изданы отдельными книгами в китайском Тяньцзине. Первая из них, повествующая о смерти Льва Толстого, даже поставлена на сцене Русского драматического театра в Таллинне. Драма «Рюрикович» и комедия «Дочь премьер-министра» ждали своего часа. Пьеса «Цветок Небес» — последняя и самая изысканная из драматических произведений. Ею завершается Пражский период. Существует несколько упоминаний о пьесе в письмах баронессы Софии Ивановны Таубе. Сотрудничество известной петербургской писательницы с Булгаковым вылилось в учреждение Круга по изучению современной русской литературы (при Рус-

* Булгаков В.Ф. Письмо П.В. Шкуркину. 28.11.1938 // Государственный архив РФ (Москва). Ф. 6784, оп. 1, д. 8, л. 549. Машинописная копия.

** Булгаков В.Ф. Как прожита жизнь. Рукопись. Часть XXII // Российский гос. архив литературы и искусства (РГАЛИ) (Москва). Ф. 2226, оп. 1, д. 75, л. 144. Машинопись.

ском свободном университете в Праге). Часто Кружок собирался на «литературных ужинах» в доме Таубе. Там читали всё новое. Баронесса — свои стихи и мемуары о революции «Загадка Ленина». На одном из вечеров, 13 апреля 1941-го, выступал Булгаков. Накануне С.И. Таубе писала ему: «Хорошо, если бы Вы захватили с собой и «Рюриковича», и китайскую пьесу, чтобы прочесть то, что будет избрано большинством присутствующих (Фенины очень интересуются китайской)...»*

Впервые пьеса «Цветок Небес» была прочитана в небольшом собрании на квартире школьного преподавателя словесности и литературоведа В.В. Перемиловского. Вот как писал Булгаков об этой пражской встрече в своих мемуарах: «Владимир Владимирович довольно долго жил в Китае, знал и любил китайскую культуру и вывез из бывшей «Поднебесной империи» множество интересных и красивых памятков: картин, статуэток и т.д. Все эти памятки украшали комнату, где происходило чтение». Слушатели отнеслись к пьесе по-разному. Одни восторженно, другие сдержанно. Было «правильное суждение», что изображение отцовских чувств князя Ван-Ляо дано скорее в русском, чем в китайском стиле. Булгаков продолжил работу над пьесой и закончил ее первую редакцию в Праге 4 сентября 1942 года. Окончательный вариант датируется Ясной Поляной, 1 марта 1956-го. Быть может, где-то утаиваются и другие неизвестные варианты...

Пожалуй, стоит обратить внимание еще на одно обстоятельство, относящееся к разряду «правильных суждений». Восточный сюжет пьесы неизбежно соединяется с западным восприятием, ищущим узнаваемых аналогий. Самое утонченное мышление Запада будет всегда заигрывать с ускользающим Востоком. Пример — образы героев в пьесе. Вокруг императора, Сына Неба, собраны одиннадцать князей и княгиня У-Сюнь. Один из князей предательствует. Чем не евангельская притча о Сыне Божьем и двенадцати апостолах, из которых один — Иуда? Правда, Восток тем и отличается, что постиг тайну всепрощения. Оно, это заповеданное всепрощение, не разъединяет, а веселит пьянящим единством. Оно является в образе чистой, небесной княжны, танцующей ликующей танец единения. Княжна неистово кружится и склоняется, распростершись у ног Тысячелетнего Господина. Кто же поднимет этот благоухающий Цветок Небес, оброненный у порога Западного мира?..

Владимир Росов

* Таубе С.И. Письмо В.Ф. Булгакову. 31.3.1941 // РГАЛИ. Ф. 2226, оп. 1, д. 1107, л. 17. Автор. машинопись.